

1958 г. его утвердили в должности заведующего лабораторией электрических методов обработки пищевых продуктов. Об этом 15 ноября 1958 г. директор этого института Е. Мельниченко известил письмом руководителя ТИНРО К. И. Панина: «Учитывая то, что тов. Чернигин представлен нами на утверждение в должности заместителя директора по научной части, просим перевод тов. Чернигина... рассматривать как расширение круга его деятельности и повышение по работе и не задерживать его освобождение». 29 ноября 1958 г. решением ВАК Николай Филиппович утверждён в учёном звании старшего научного сотрудника по специальности «Механика». А вот и последний приказ, подписанный И. И. Куренковым, хранящийся в личном деле Н. Ф. Чернигина: «Освободить с занимаемой должности с 30 декабря 1958 г., бухгалтерии произвести полный расчёт...» (3).

К сожалению, никаких сведений о новой, «послекамчатской», жизни Николая Филипповича мы пока не нашли.

Следующую же подобную высокую научную награду – теперь уже Государственную премию СССР – получили известные камчатские учёные Ф. В. Крогиус, Е. М. Крохин и В. В. Меншуткин в 1971 г.

1. ГАКК. Ф. П-13. Оп. 2. Д. 1817.

2. Максимов К. Творец новой техники // Камч. правда. 1948. 12 июня. С. 3.

3. Архив отдела кадров КамчаНИРО.

4. ГАКК. Ф. Р-106. Оп. 1. Д. 132.

5. «Рыбонасос» инженера Чернигина // Камч. правда. 1943. 31 марта. С. 3.

6. ГАКК. Ф. Р-106. Оп. 1. Д. 133.

7. Чернигин Н. Лов рыбы электричеством // Камч. правда. 1944. 24 нояб. С. 3.

8. ГАКК. Ф. Р-541. Оп. 1. Д. 183.

9. Чернигин Н. Ф. Водоструйные насосы и их эксплуатация // Камч. правда. 1949. 22 окт. С. 3.

10. ГАКК. Ф. Р-376. Оп. 1. Д. 105.

11. Чернигин Н. Благодарю партию и правительство за высокую оценку моего труда // Камч. правда. 1948. 6 июня. № 132.

12. ГАКК. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 265.

13. Там же. Ф. Р-376. Оп. 1. Д. 115.

14. Герасимов С. К. У Тихого океана. Путевые заметки. М. : Молодая гвардия, 1949.

Н. С. Гаврилова

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ И ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ ИЗ ИСТОРИИ  
КАМЧАТСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ  
(1934–1939 гг.)

Как на Камчатке донорство зарождалось. Впервые в истории камчатской медицины 17 августа 1934 г. состоялось переливание крови. Его провели врачи Петропавловской городской больницы Федорова и Швецова. Через два дня состоялась повторная процедура. Первыми донорами стали медсестры К. С. Пучкова и А. В. Гусаревич. Переливание крови – новейшее достижение современной медицины – теперь было освоено и на самой отдаленной окраине Советского Союза.

Работа по определению группы крови жителей Петропавловска развернулась незамедлительно. Со страниц «Камчатской правды» врачи призывали горожан сдавать кровь на анализ в лаборатории горбольницы ежедневно с 12 до 15 часов. Первыми свою группу крови узнали работники здравоохранения и милиционеры (1).

Успешные опыты переливания крови позволили спасти жизни тысячам камчатцев. Так, удалось вырвать из лап смерти пациентку с открывшейся язвой желудка. Ночью 16 августа 1939 г. в больницу поступила истекающая кровью пятидесятилетняя Т. Ф. Либлик. У нее уже почти не прощупывался пульс... За полчаса она потеряла литр крови. В эту ночь на скорой вместе с врачом дежурили курсанты, прикомандированные к городскому военкомату, – Беликов, Савин и Мирошниченко. Они сразу же предложили дать кровь для помощи больной. Нужная группа оказалась у Беликова. Хирург Магидсон взял у курсанта четьреста «кубиков», благодаря чему вернул к жизни свою пациентку. Нельзя не отметить и помощь инженера городской электростанции Биллера. В одиночестве, без рабочих, он дежурил на станции и обеспечивал энергией хирургическую (2).

Как камчатцы на свет появлялись. В марте 1936 г. врач Петропавловской городской больницы Арсентьев провел первые опыты по обезболиванию родов на Камчатке. В начале года пере­д­ви­цы центральных газет сообщали о положительных результатах массового обезбо­ли­ва­ния родов в Свердловском акушери-гинекологическом институте. Воодушевившись опытом коллег, врач решил на отважный шаг. Заручившись поддержкой ординатора Прокопенко и трех акушеров, Арсентьев приступил к процедуре, комбинируя методы обезбо­ли­ва­ния, разработанные профессорами Лурье и Вишневским. За шесть-семь часов до родов в кожу брюшной полости роженицы, а также в толщу промежности впрыскивался раствор новокаина. Через каждые полтора часа процедура повторялась. При появлении головки накладывалась маска с эфиром или вводился кубик пантопола. Женщина рожала в полусне. Через два-три часа после родов женщина приходила в нормальное состояние, сонливость сменялась бодростью. За две недели опытов таким процедурам подверглись 20 женщин, 13 из них совершенно не почувствовали боли. Арсентьев уверял, что благодаря такому новаторству «женщина освобождается от тех мучительных болей, которыми она страдала веками и продолжает страдать в капиталистических странах, где обезбо­ли­ва­ние производится только среди привилегированных классов» (3). В последующие полгода сотрудники родильного отделения гор­боль­ницы обезболили 196 родов. 25 мая 1937 г. первый такой опыт был проведен на Чукотке. Здесь пионерами стали врачи Леонтьев и Кузьмина, избравшие в качестве подопытной чукчанку из селе­ния Яндогай. Она родила десятифунтового мальчика (свыше 4 кг) (4).

Врач Арсентьев делился результатами своей работы на страницах «Камчатской правды». Рассказал он и об уникальной пациентке. Через неделю после аборта женщина пожаловалась врачу на боли внизу живота и обильное кровотечение. Хирург определил вне­маточную беременность и назначил операцию. Больной грозила смерть. Во время хирургического вмешательства в брюшной полости обнаружили массу крови, разорванную трубу яичника, в которой развивался плод. С другой стороны нашелся еще один плод. По словам врача, три плода были зачаты почти одновременно. Всех их удалили.

27 июня 1936 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи женщинам, установлении государственной помощи много­се­мейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». Согласно постановлению, производство абортов как в больницах и госпитальных лечебных учреждениях, так на дому у врачей и на частных квартирах беременных, запрещалось. За нарушение постановления вра­чу, проводившему операцию в стенах больницы, грозило от года до двух лет тюремного заключения. Если же операция производилась лицами, не имевшими специального медицинского образования или в антисанитарной обстановке, уголовное наказание предусматривалось лишением свободы на срок не менее трех лет. Беременные женщины, производившие аборт, в качестве наказания подвер­гались общественному порицанию, а при повторном нарушении закона – штрафу до 300 рублей. Аборты допускались только в случаях, когда продолжение беременности представляло собой угрозу жизни или здоровья матери, а также при наличии передающихся по наследству тяжелых заболева­ний родителей.

В конце августа 1936 г. хирург-новатор Арсентьев оказался на скамье подсудимых. Ему предъявили обвинение по статье 109 УК и обвинили в проведении операций без необходимого ме­дицинского освидетельствования, неверной постановке диагноза, неправильном назначении лече­ния, проведении операции по стерилизации женщин. Кроме того, обвинение гласило: «Арсентьев пренебрежительно относился к новым течениям в медицине и препятствовал их применению». Этот пункт нам кажется просто невероятным: хирурга, положившего начало процедуре обезбо­ли­ва­ния родов на Камчатке, обвинили в устаревших методах работы!

Врач свою вину не признал. После опроса обвиняемого и свидетелей «суд нашел необходи­мым пере­квалифицировать состав преступления подсудимого и осудил врача Арсентьева по статье 111 УК к условному лишению свободы на три года» (5). О дальнейшей судьбе врача Арсентьева нам ничего не известно.

Следующий, 1937-й, год ознаменовался всплеском рождаемости на Камчатке. По сравне­нию с 1936-м, она по Петропавловску выросла вдвое. Ежедневно в родильном отделении городской больницы, имеющем 17 коек, появлялись по 3 младенца. Еще двумя годами ранее отделение пусто­вало, сейчас же оно было переполнено. Здесь ежедневно пребывало не менее 24 рожениц! С 1 ян­варя по 1 октября 1937 г. в Петропавловске принято 454 родов. «Рожать в нормальных условиях, то есть на койке, у нас иногда не представляется возможным. Много женщин рожают на столе, а то и на

стуле. После родов их перемещают на койки, но и здесь они себя чувствуют очень стеснительно, так как на этой койке уже лежит такая же роженица» (6). Кроме того, в родильном отделении не имелось ни одного врача, роды принимали специалисты хирургического отделения, к тому же, почему-то, не получавшие за это вознаграждения. Срок нахождения молодой мамы в больнице сократили до трех дней. Все это требовало немедленного решения, для чего предлагалось поменять местами терапевтическое и родильное отделения. Это позволило бы разместить всех женщин, увеличив количество коек до тридцати. Но все упиралось в бюрократические сложности.

В июне 1937 г. в Петропавловск прибыл врач-акушер М. И. Магидсон, назначенный облздравотделом заведующим родильным отделением. Условия же содержания молодых мам Петропавловска улучшились только через 3 месяца. 10 сентября их разместили в помещении терапевтического отделения, увеличив количество коек до 34. А всего по области родильных коек было 110. Персонал родильного отделения Петропавловской горбольницы старался создать комфортные условия для рожениц. Молодые мамы отмечали чуткое отношение к ним со стороны медицинских работников, полноценное и вкусное питание, но это не снимало главной сложности: температура в палате в феврале 1938 г. не поднималась выше 8°! (7).

Примерно в это время над заготовкой комплектов стройматериалов для типового родильного дома и больницы на 16 коек для Большерецкого района трудились рабочие Оборского леспромпхоза из Хабаровской области. Работы завершились весной 1939 г. В августе этого же года жители Большерецка должны были получить новые медицинские объекты (8).

Молодые мамочки города жаловались и на состояние женской консультации. Она работала уже не первый год и вызывала множество нареканий. Например: учреждение не имело столика, поэтому пеленать ребенка приходилось на составленных вместе табуретках. И все бы ничего, да одна из них была выше другой! Кушетка в кабинете врача пребывала в ужасном состоянии, разваливаясь на глазах (9). А двумя годами ранее, в преддверии Международного женского дня 1934 г., при женских консультациях планировали провести конкурс. Молодым мамам и их малышам предлагалось сразиться за звание «самого здорового и крепкого ребенка». Попутно женщины могли поделиться секретами воспитания своих детишек, а самой заботливой мамочке обещана денежная премия (10).

Увеличение рождаемости наблюдалось и в Елизове. В 1935 г. здесь было зарегистрировано всего 12 родов, а в 1936 г. – уже 72. За 4 первых месяца 1937 г. родилось 26 детей (вдвое больше, чем за весь 1935 г.). Обезболивание родов пользовалось всеобщим признанием (11).

Некоторые женщины рассматривали беременность как обременительную ношу. Приняв решение избавиться от плода, они обращались за помощью к «бабкам», проводившим кровавые процедуры. Одна из таких «душегубок» процветала на базе Тарья Авачинского рыбокомбината: кузнец (!) базы М. С. Чуховская проводила аборт в антисанитарных условиях, используя ржавый металлический инструмент. Одну из ее клиенток 1 июля 1938 г. доставили в горбольницу с заражением крови. Суд приговорил Чуховскую за нарушение закона к 5 годам лишения свободы. Двоих ребятишек этой горе-повитухи, 6 и 10 лет от роду, по предложению облоно устроили в детский дом.

Петропавловский народный суд первого участка в сентябре 1938 г. рассмотрел 4 случая самоабортов. Гражданкам Панкратовой, Селезневой, Пирожковой и Калиниченко суд вынес общественное порицание.

*Какие лекарства принимали горожане.* До 1936 г. на всей территории Камчатки была одна-единственная аптека. Располагалась она в Петропавловске, в доме № 22 по ул. Ленинской, подчинялась Дальаптекоуправлению и носила № 45. В июле 1936 г. аптеки открылись в Усть-Камчатске и Большерецке. Пароходом на Камчатку прибыл специально обученный персонал.

Петропавловская аптека реализовывала значительную (для того времени) номенклатуру товаров:

- препараты института эндокринологии Наркомздрава РСФСР: аварикрин, оксикрин, мамлюокрин и прочие;
- предметы ухода за больными, санитарии и гигиены: мыло туалетное, вазелин, зубные щетки и футляры к ним, ногтечистки, грелки, соски, резиновые спринцовки, бритвы, мыльный порошок, нечто под названием «Сен-сен», детская питательная мука, термометры, мигреневые карандаши, подкладные судна, светозащитные очки;
- препараты лечебного характера: аспирин, бромферон (заменитель йода), малина, черника, фитин (в таблетках), нашатырный спирт, валериановые капли, слабительные средства: каскара-саграда, пурген, скипидар; цинковая и ихтиоловая мази, бороментол (от насморка), пивные дрожжи, предохранительные средства (контрацептин, преконсоль), свечи против геморроя.

Продавались также предметы хозяйственного обихода, а камчатские модницы могли приобрести в аптеке губную помаду, духи, пудру, загадочные и многообещающие «сюрпризные коробки», крем для лица, глицерино-вазелиновые сливки и даже лак для ногтей. «Если бы подсчитать, сколько в Петропавловск завозится и употребляется такого продукта гигиены, как зубной порошок, то можно было бы прийти в умиление от невероятного роста культурности населения» (12). Но, как выяснилось, камчатцы скупали зубной порошок для того, чтобы... побелить стены. Известь и мел на полуостров не завозились, поэтому обыватели обходились подручными средствами. Они мешали порошок с мукой (правда, потолок потом начинал цвести и темнеть) или же, что гораздо лучше, крахмалом и приступали к обработке стен. Получалось, конечно, дороговато, но хозяйшки для уюта денег не жалели. Обоим же клеить не любили: под ними заводились клопы. Ну, а хозяйственное мыло, необходимое для стирки белья, все по той же причине плохой поставки, заменяли высшими сортами дорого туалетного.

А пока жители города белили потолки и стены зубным порошком, медики Ичинской больницы вместо марли (даже при тяжелейших хирургических операциях) использовали бязь. Уже полтора года в здешней больнице не было ни марли, ни гигроскопической ваты, да и все остальные районные больницы снабжались лекарствами нерегулярно. Медикаменты и перевязочные средства завозились сюда один раз в 2–3 года! Лекарства прибывали в недостаточном количестве и ассортименте, их хватало только на 7 месяцев, а дальше медперсонал вынужден был проявлять изобретательность и находчивость (13).

*Как петропавловчане электрическим током лечились.* Весной 1936 г. в Петропавловской горбольнице заработал физиотерапевтический кабинет. Оборудование для него завезли в город и пос. Ключи еще в 1934 г. Но открыть кабинет смогли только через 2 года. Зато теперь захворавшие горожане могли оздоровиться при помощи... электрического тока. Проводился ряд процедур: гальванизация (воздействие постоянным током), ионизация (воздействие химическими веществами при помощи электричества), электролиз (вызывавший распад ненужных вредных для организма элементов) и др. Давались и «соллюкс-токи» Д'Арсонваля (лечение переменным импульсным током). Пропускная способность кабинета – 130 человек в день. В будущем планировали расширить список предоставляемых услуг, включив в него «горное солнце», диатермию и вибрационный массаж (14).

В июле 1936 г. при поликлинике открылся рентгеновский кабинет. Специальная аппаратура для него ждала своего часа на складе более 2 лет – не могли найти для нее пригодного помещения. Некоторые части оборудования за это время пришли в негодность, покрылись ржавчиной. Пострадал и распределительный щит, его создавали заново. Монтировали кабинет врач-рентгенолог В. И. Стратонович, его помощница О. П. Гуринова, инженер Нечаев и техник Тюшев. Рентгеновский кабинет стал подспорьем для врача как необходимый элемент диагностики заболеваний внутренних органов и костных переломов. До этого же процедуры «просвечиваний и снимков» камчадалы проходили во Владивостоке. Использовать рентгеновские лучи в терапевтических целях пока не представлялось возможным из-за отсутствия дополнительной аппаратуры. Первый рентгенкабинет Камчатки не имел фотолаборатории, комнаты для ожидания пациентов, вентиляции. Кроме того, медперсонал и пациенты подвергались воздействию рентгеновского излучения – при строительстве и отделке кабинета не были использованы необходимые защитные материалы (баритовая штукатурка, листовой свинец). В конце апреля 1937 г. в рентгенкабинете начались ремонтные работы: трудились над созданием фотолаборатории, систем изоляции и вентиляции.

В августе 1936 г. в Петропавловске для комплексного исследования качества продуктов питания открылась санитарно-гигиеническая лаборатория. С этого времени санитарный надзор получил возможность проводить исследования продуктов «научным способом». Но повторилась история с рентгенкабинетом: оборудование лаборатории от долгого лежания на складе пришло в негодность. Благодаря героическому труду врача Алексеева некоторую его часть удалось привести в надлежащий вид. Из 6 автоклавов собрали 1, отремонтировали аналитические весы. Лаборатория занимала очень маленькую площадь, не соответствующую размахам будущей работы, кроме того, ощущала острую нехватку химикалий и специальной посуды (15).

*Как на Камчатке медицинские кадры ковались.* Нельзя обойти вниманием значительное для многих будущих поколений камчатцев событие. 19 ноября 1936 г. начались занятия в первой на Камчатке кузнице медицинских кадров – Петропавловской школе среднего медперсонала. Отдельного помещения школа не имела, приютилась в здании совпартшколы. Занятия шли вечером, с 17 до 23 часов. Газета «Камчатская правда» в осенних выпусках 1936 г. поместила сообщение: «Камчатский областной отдел здравоохранения объявляет набор слушателей в двухгодичную государст-

венную среднюю медицинскую школу. Прием заявлений производится ежедневно в часы занятий секретарем облздравотдела (здание облисполкома, комната № 15) до 10 ноября 1936 г. Время начала испытаний будет объявлено особо». Тут же приводились условия приема. В школу брали лиц обоего пола, в возрасте от 16 до 30 лет, имевших образование в объеме не ниже школы-семилетки, причем лиц, имевших оконченное среднее образование, а также выпускников семилетки зачисляли «без испытаний», которым подвергали всех остальных. Обещаны стипендии «наравне с прочими учебными заведениями». Общежитие полагалось только иногородним. По окончании школы учащиеся должны были получить диплом медработника с окончанным средним образованием (то есть медсестры, акушерки, фельдшерицы-акушерки). Всех выпускников намеревались определить на работу только в пределах Камчатской области, в селения которой они были обязаны выехать немедленно по получении назначений.

Первый набор составил 33 человека, половина – представители коренных малочисленных народов Севера: ительмены, эскимосы, чукчи. Азы медицинской науки оказались тяжелыми: на второй курс перешли только 18 учащихся, 11 отчислили, 3 оставили на повторный курс.

Школа не имела отдельной комнаты для самостоятельных занятий, достаточного количества наглядных и учебных пособий. К январю 1937 г. учащиеся уже почти освоили латинский язык. План 1936/37 учебного года был выполнен на 42 %. Следующий, 1937/38-й учебный год проходил в помещении облздрава, позднее – в здании педагогического училища на ул. Красинцев. Для медицинской школы там выделили два класса.

Душой школы была ее директор, молодой доктор – 28-летняя Анна Николаевна Верцинская. Выпускница-отличница Саратовского медицинского института, она приехала на Камчатку по командировке Наркомздрава в апреле 1936 г. По утрам она трудилась в детских яслях, где к своим обязанностям относилась с огромным вниманием и ответственностью. Малыши очень полюбили молодого доктора, делились с ней своими маленькими радостями и неудачами. С полудня Анна Николаевна вела прием деток в городской поликлинике, а вечернее время посвящала медицинской школе. Она ратовала за ее развитие, улучшение условий обучения. Верцинская обращалась в край-здрав и президиум облисполкома с неоднократными просьбами о реорганизации школы медсестер в фельдшерскую.

В январе 1938 г. партийные органы одобрили ее предложение. Новый титул школы утверждался 5 месяцев. Директор и педагоги перестроили было всю программу занятий... Но, ссылаясь на отсутствие учебного помещения, Наркомздрав отклонил ходатайство. Верцинская не сдавалась, и титул фельдшерской школы удалось отстоять. В 1938/39 учебном году занимались уже 64 человека. В июле 1939 г. школа выпустила первые кадры квалифицированных собственных, камчатских, медицинских работников. Выпускники-отличники Мария Коренева и Нина Шелякина намечали продолжить обучение и после двух лет работы на участке собирались поступить в мединститут. Камчатцев-медиков обучали врач 2-го ранга санчасти Горбунов, врач акушер-гинеколог Векина, фармаколог Каган, преподаватель физики Веселова, преподаватель истории Лопатина. За героический труд этим педагогам была объявлена благодарность.

А жители северных сел Камчатки уже получали свои подготовленные кадры медработников на 6-месячных курсах «рокковских» сестер (Российского общества Красного креста). Так, заметка «Национальные кадры медработников» сообщала о выпуске «медсестер-националок» села Тигиль. На «отлично» в 1936 г. обучение завершили Шмагина, Григорьева и Уксусникова, за что были премированы. Все выпускницы были трудоустроены: пятерых направили в пункты первой помощи в оседлых и кочевых колхозах, одну – на фельдшерский пункт, еще одну – в районную больницу (16).

*Как врачи на страже здоровья стояли.* Здравоохранение советской Камчатки развивалось, расширялась сеть медицинских учреждений, внедрялись новые методы лечения больных. Для сравнения приведем показатели 1934 и 1936 гг. В 1936 г. в Камчатской области насчитывалось 50 больниц, двумя годами ранее их было только 32, количество фельдшерских пунктов в 1936 г. достигло 50, два года назад их было 33. Значительно увеличилось и количество больничных коек: их стало 610 вместо 399. В 1936 г. на страже здоровья жителей области стояли 86 врачей и 118 работников среднего медперсонала, а в 1934 г. – 36 и 60 соответственно (17).

Большинство врачей стремились работать в городе, но даже в областном центре условия их существования нельзя было назвать комфортными. Так, жизнь зубного врача Бененсона шла, буквально, без отрыва от производства. С утра он принимал больных, а вечером располагался в сво-

ем зубоучастном кабинете на отдых, ночевал он также прямо на рабочем месте. Не лучше были условия и у врача Швецовой – специалиста по заразным болезням. Она жила в Красном уголке больницы. Доктору Волгину повезло – его вместе с уборщицей столовой и инструктором Осоавиа-хима поселили в однокомнатной квартире. А вот медработникам Казаковой, Гитлин, Клименко предоставили квартиры без окон, без печей и с протекающей крышей. В июне 1934 г. новую партию врачей, приехавших в Петропавловск на пароходе, встретили очень тепло и душевно. Сразу после прибытия 5 медицинских работников направились в баню. Близился вечер, баня закрывалась, но сердобольная уборщица разрешила женщинам помыться. В самый разгар водных процедур в дверь стали ломиться. Громкие крики администрации, грозившей вызвать милицию, вынудили женщин побыстрее завершить помывку. «Мокрые и залепленные мылом женщины бросились одеваться. Но милиция была уже вызвана и с доблестной поспешностью явилась на место происшествия. “Кого тащить?” – бодро спросили они. И злополучных работников науки поволокли в отделение. Только звонки в облздрав и предъявление документов спасли врачей от ожидавшего их ночлега в милиции» (18).

Алексеева, заведующая подотделом охраны материнства и младенчества облздравотдела, сообщала о неуклонно увеличивавшейся сети детских яслей. В 1934 г. их было 45, а в 1936 г. стало уже 87. Количество мест с 1 330 увеличилось до 1 935. Значительная часть яслей располагалась в палатках, к сожалению, специально оборудованных помещений для детских учреждений еще не было. «Жители улицы Микояновской приводили своих детишек в ясли, размещенные в здании неполной средней школы им. Толстого. С началом учебного 1936/37 года ясли были закрыты. Управление АКО не смогло незамедлительно отреагировать на проблему и предоставить другое помещение. И теперь работники акционерного общества не знали, куда пристроить своих детей» (19).

Первые детские ясли на бескрайних просторах Олюторской тундры открылись в июле 1936 г. Мамы-северянки поначалу побаивались отдавать своих малышей на воспитание русской женщине, но в скором времени они по достоинству оценили работу нового учреждения. Первыми воспитанниками яслей стали 11 ребятишек пастухов-коряков 1 и 2-го табунов. В яслях дети получали вкусную и здоровую пищу, свежий хлеб, выпекавшийся в хлебопекарне при яслях. Детишки ежедневно принимали ванну. Поначалу и мамы, и малыши относились к купанию с недоверием, но потом очень быстро привыкли к водным процедурам. Детишки коряков стали носить не кожаную, а тканевую одежду. Ясли были организованы стараниями директора Олюторского оленеводческого совхоза (20).

А коряки устья р. Вывенки тоже радовались приятному сюрпризу. К ним в стойбище привели... корову. До этого момента северяне никогда не видели этих диковинных животных, не пробовали вкуса их молока. Буренку Красульку для коряцкого стойбища выделила ферма Олюторского райинтеграла. Из Тиличик ее привел парторг Лосев. Его супруга научила северян доить буренку. «Молоко пришлось корякам по вкусу. Теперь дети вывенских коряков пьют молоко Красульки» (21).

В августе 1937 г. опубликованы планы развития здравоохранения Камчатской области. Ожидалось, что к концу 1942 г. территория покроется сетью новых родильных домов, фельдшерских пунктов, детских яслей, новыми больницами и курортами. Предусматривался рост коечной сети в три с лишним раза. Значительно должно было увеличиться число родильных домов. Будут построены: школа медсестер на 50 человек, 7 крупных амбулаторий, областная поликлиника на 18 кабинетов, 18 женско-детских консультаций с молочными кухнями в райцентрах и комбинатах. Таков план был создания специальных лечебных учреждений в III пятилетке. По нему намечалось построить областную детскую амбулаторию в составе 5 кабинетов, областной вендиспансер, дезостанцию-пропускник, областной тубдиспансер и прочее. В 3-м 5-летнем плане решено соорудить бальнеологический курорт на 100 мест в районе сел. Малки и Начики на источниках нарзанного типа. В долине р. Камчатки тоже запроектировано строительство санатория на 100 мест. А ведь до сего времени на полуострове не было даже небольшого курорта... (22).

Такие планы строила общественность Камчатки на III пятилетку. Но это уже совсем другая история...

*Как в Петропавловске скорая помощь появилась.* В первых числах нового 1937 г. облздравотдел организовал в Петропавловске самостоятельную скорую помощь. Пять врачей и две медицинские сестры заступили на круглосуточную вахту сохранения здоровья и жизни жителей города. В их распоряжение поступили специально переоборудованная автомашина и лошадь с повозкой. До этого времени неотложную помощь оказывали врачи больницы и поликлиники. Врачей вызывали по телефонному номеру 306 (23).

Жители с. Малка, члены общества РОКК, обязались вырастить и выкормить к зиме 13 щенков для организуемой ими санитарной нарты Красного Креста (24).

*Как душевнобольные больницу поджигали, а покойники за справками приходили.* Все чаще и чаще жители Петропавловска сталкивались с неадекватным поведением некоторых своих сограждан. Они, «буйнобольные» и помешанные, подлежали отправке на материк, в специализированное медицинское учреждение. Добираться туда предстояло на пароходе, в сопровождении медработника. Но если капитан судна узнавал о таком возможном пассажире, он категорически отказывался брать на борт человека с «чудинкой». В горбольнице не было изолированного помещения, куда можно было бы поместить людей с больной психикой, поэтому их размещали в обычных палатах. Каких только сюрпризов не преподносили они своим соседям: то в порывах припадка кидались избивать их, то пытались поджечь здание. Общественность была всерьез обеспокоена такими инцидентами и ставила перед городским советом вопрос об устройстве специального барака для «буйнобольных» (25).

28 августа 1935 г. Усть-Камчатское бюро записи актов гражданского состояния в приложенной к записи медицинской справке засвидетельствовало любопытный факт: «Дана сия справка Николаеву А. И. в том, что он болел декомпенсированным пороком сердца, туберкулезом легких и умер 27/VII-35 года в 5 часов 55 минут утра. Фельдшерица Шнейер». «В котором часу и когда явился покойный гражданин Николаев за этой справкой – неизвестно, но, во всяком случае, этот факт заслуживает внимание научного мира и в первую очередь, облздрава, руководящего подбором медицинских кадров на местах» (26).

Эти невыдуманные истории, обнаруженные в газетных строках «Камчатской правды» 30-х гг. прошлого века, показали нам самыми занимательными и знаменательными для жителей нашего прекрасного края.

1. *Мищенко К., врач.* Первое переливание крови на Камчатке // Камч. правда. 1934. 23 авг.
2. *Новокрещенцова, дежурный врач.* Спасли жизнь женщине // Там же. 1939. 20 авг.
3. *Арсентьев, врач.* Обезболивание родов // Там же. 1936. 4 апр.
4. *Тулунов.* Обезболивание родов на Чукотке // Там же. 1937. 8 июня.
5. Суд над врачом Арсентьевым // Там же. 1936. 5 сент. С. 3.
6. *Дубинский А.* Роды на стуле // Там же. 1937. 10 мая.
7. *Главацкая, Власкина, Михайлова, Камлева.* Больные в холодном помещении // Там же. 1938. 12 февр.
8. Родильный дом и больница для Большерецка // Там же. 1939. 14 мая.
9. *Дейнека.* Надо оборудовать консультацию // Там же. 1937. 2 июля.
10. *Г. Ч.* Соревнование матерей // Там же. 1934. 3 янв.
11. *Карпова, врач.* Рост рождаемости в Елизово // Там же. 1937. 18 мая.
12. *Свитка Ю.* Новое в употреблении зубного порошка // Там же. 1938. 21 дек.
13. *Дружинин, врач.* О руководстве районными больницами // Там же. 1938. 10 июня.
14. Физиотерапевтический кабинет // Там же. 1936. 9 мая.
15. Открыта санитарно-гигиеническая лаборатория // Там же. 21 авг.
16. Национальные кадры медработников // Там же. 6 июля.
17. *Скоморохов, Зав. Облздравом.* Состояние здравоохранения // Там же. 4 окт.
18. *Тамизгучи С.* Случай в бане // Там же. 1934. 4 июня.
19. *Мать.* Будут ли открыты ясли? // Там же. 1936. 10 сент.
20. *А. Д.* Рентгеновский кабинет. // Там же. 28 июля.
21. Вывенские коряки завели корову // Там же. Янв.
22. *Вечтомов.* Что надо сделать по здравоохранению // Там же. 1937. 14 авг.
23. *Скорая помощь* // Там же. 8 янв.
24. *Коллегин.* Санитарная нарта // Там же. 10 мая.
25. *Важный вопрос* // Там же. 1938. 8 янв.
26. *Тен. Евг.* Покойник пришёл за справкой // Там же. 1936. 15 янв.

## П. А. Головнин ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АРКТИКИ – ЛЕЙТЕНАНТ П. Ф. АНЖУ

*О милых спутниках, которые наш свет  
Своим сопутствием для нас животворили,  
Не говори с тоской: их нет,  
Но с благодарностью: были.*

В. А. Жуковский

В конце декабря 1818 г. начальник Адмиралтейства адмирал Г. А. Сарычев, представляя морскому министру программу исследований Русского флота, обратил внимание на то, что к востоку от Новой Сибири, против м. Шелагского, «по уверению чукчей, находится земля, обитаемая дикими людьми, и что эту землю можно описать в весеннее время на собаках по льду таким же образом, как описана была Новая Сибирь». Русское Правительство снарядило Колымскую и Янскую экспедиции. Колымский отряд возглавил лейтенант Ф. П. Врангель, Янский – его друг лейтенант П. Ф. Анжу. Янская экспедиция должна была описать Новосибирские острова и выяснить, не продолжается ли Новая Сибирь «далее и нет ли еще близь ее других земель». В марте 1820 г. был определен состав 1-го отряда: мичман Ф. Ф. Матюшкин, штурманский помощник унтер-офицерского чина П. Т. Козьмин, матрос Нехорошков и слесарь Иваненков. Было подсчитано, что потребуется на 9 лошадей 4 081 руб. 63½ коп, да на 1 бричку для помещения материалов и инструментов и для смотрения за ними определен один матрос, коему особых прогонов уже не полагается. Во 2-й отряд лейтенанта Анжу назначены: штурманские помощники унтер-офицерского чина П. И. Ильин и И. А. Бережных, матрос 1-й статьи Игнашев и 3-й артиллерийской бригады слесарь Воронов, и потребуется на 8 лошадей потратить 3 628 руб. 12 коп., а на 2 брички под материалы и инструменты и одного смотрящего матроса необходимо потратить на 12 лошадей 5 442 руб. 18 коп. Общая сумма прогонных денег на экспедицию составляет 11 687 руб. 87½ коп. Было положено на покупку вещей для экспедиции и для диких народов выделить в Иркутске каждому командиру по 3 000 руб., на бумагу для записи 24 руб., а всего 6 494 руб. (1, л. 67–190). Были выданы неполученные деньги в плавании кругом света на шлюпе «Камчатка» под командованием капитана 2 ранга В. М. Головнина (1776–1931) мичманам: Врангелю 616 руб. 42 ⅜ коп.; Матюшкину 2 342 руб. 67 ⅙ коп; штурманским помощникам: Козьмину 681 руб. 13 коп.; Ильину 775 руб. 71 ¾ коп.; матросу Нехорошкину 272 руб. 46 ⅞ коп.; а всем 4 688 руб. 41 ⅙ коп., из суммы, хранящейся в Казначейской экспедиции, оставшейся от расходов по шлюпу «Камчатка» (там же, л. 191).

Среди инструментов для экспедиции был купленный у капитана В. М. Головнина хронометр за 1 267 руб. 90 коп. (Там же, л. 210). В экспедицию был назначен медико-хирург Алексей Фигурин с оплатой 600 руб. в год. В его ведении находился 1 ящик с медицинскими инструментами и несколько книг на сумму 895 руб. и медикаменты, для которых была выделена особая бричка с 3 лошадьми (там же, л. 263).

В феврале 1820 г. П. Ф. Анжу был произведен в лейтенанты, а 20 марта того же года оба отряда покинули Петербург и в начале лета достигли Иркутска, где их встретил известный полярный исследователь Геденштрот, который предостерег моряков, что на берегах и льдах Ледовитого океана их ждут серьезные трудности, включая нехватку продуктов и корма для собак. 25 июня отряды направились в Качуг, где их ожидало большое плоскодонное судно. Обе экспедиции отправились вниз по Лене и 25 июля достигли Якутска.

В начале августа пути экспедиций Анжу и Врангеля разошлись. Отряд Анжу продолжил путь вниз по Лене. Через несколько дней путешественники благополучно добрались до Усть-Янска. В сентябре 1820 г. Анжу доносит, что, следуя по р. Лене, достиг он урочища Булун 5 сентября. Здесь оставил вещи в амбаре у мещанина Белькова под надзором штурманского помощника Бережных и матроса Игнашева до востребования купцом 3-й гильдии Соловьевым для доставления в Усть-Янск, а он сам с штурманским помощником Ильиным и слесарем Вороновым со всеми инструментами и тягостями до 40 пуд отправился по первому снегу 17 сентября в Усть-Янск, куда прибыл 1 октября благополучно (там же, л. 146).

В марте 1821 г. экспедиция двинулась на оленях и собачьих упряжках в путь к устью Лены. Достигнув южного берега о. Котельного, экспедиция разделилась на две партии. Одна должна была заняться описанием о. Фаддеевского. Анжу взял на себя опись о. Котельного. 5 апреля 1821 г. Анжу,